

МАСЛАКОВ Андрей Сергеевич

**СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ:
ТИПОЛОГИЯ И СУЩНОСТЬ.**

Специальность 09.00.11 - социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва - 2003

Работа выполнена на кафедре философии факультета социологии, экономики
и права Московского педагогического государственного университета

Научный руководитель:

доктор философских наук,
профессор КИРЕЕВ Генрих Николаевич.

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор
МАПЕЛЬМАН Валентина Михайловна

кандидат философских наук, доцент

МАРТИНКУС Петр Петрович

Ведущая организация — Тверской государственный университет

Защита состоится « 7 » ноября 2003 г. в 11 часов на
заседании диссертационного совета К 212.154.02 при Московском
педагогическом государственном университете по адресу: 119571, г. Москва,
пр-т. Вернадского, д. 88, ауд. 818.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МПГУ по адресу: 1 19882,
г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 1.

Автореферат разослан « 7 » ноября 2003 г.

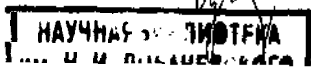

* 0 2 6 2 0 *

Ученый секретарь

диссертационного совета

Суворова О.С.

Общая характеристика работы.

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена рядом моментов. Во-первых, характером процессов происходящих в современном обществе. Это и так называемая глобализация, ведущая к системному изменению всей социальной реальности на планете, это и борьба между различными проектами дальнейшего мирового развития, это и стремление тех или иных социальных групп и государств не просто стать лидером трансформационных процессов, но управлять ими в своих интересах. Вместе с тем социальные системы современности чрезвычайно усложнились с появлением различных **надгосударственных** органов управления, контроля, учета и распределения ресурсов и продуктов, а это усложнение ведет помимо прочего и к росту социальной нестабильности. Таким образом, в современных условиях социальный кризис способен привести к системному хаосу в мировом масштабе.

Во-вторых, причины и механизмы социального кризиса 80-х годов, распада советской системы до сих пор неясны, непонятны движущие силы процессов на постсоветском пространстве, не выявлена роль внешних факторов и т.д. В похожем состоянии находятся и проблемы, связанные с событиями в России начала XX века.

В-третьих, кризисное состояние отечественной и зарубежной социальной науки требует объективного анализа общественных реалий, определения достоинств и недостатков существующих парадигм и методологий и т.д.

В-четвертых, наступившее в некоторых интеллектуальных слоях западного общества частичное разочарование в итогах так называемой эпохи модерны и ее критика, смыкающаяся во многом с критикой капитализма. Такая позиция завоевывает себе все больше сторонников, что приводит к переоценке результатов развития западного общества в целом, а, значит, к пересмотру итогов буржуазных революций. Теперь Запад не только не рассматривается как наиболее передовое общество, но считается неким нежелательным отклонением.

Степень разработанности проблемы. Проблема социальных изменений, при всей своей актуальности для любого общества любой эпохи, по-прежнему одна из малоизученных в философии. Это связано с рядом причин: а) социальные изменения рассматриваются как частная проблема общесоциального развития; б) социальные трансформации часто сводятся к изменениям конкретных сфер общественного бытия и отождествляются с ними; в) в исследованиях авторами часто привносятся эмоциональные и личностные оценки и т.д. В рамках специальных дисциплин (**истории**, социологии, психологии и др.) была проделана существенная работа по анализу конкретных трансформационных процессов в общем контексте развития социума, изучению изменений в подсистемах и т.д. Был накоплен богатый фактический материал. Однако в указанных рамках исследование проблемы социальных изменений носит, как правило, фрагментарный характер и не поднимается до уровня теоретических обобщений.

Первые попытки философского анализа социальных изменений можно

найти в античной философии. Однако здесь взгляд на природу социальных изменений имеет либо еще слишком отвлеченный, либо чисто прикладной характер. Таковую же картину, в целом, мы можем наблюдать в эпоху эллинизма, поздней античности и большей части средневековья. Новый взгляд на проблему социальной реальности совпал с эпохой Возрождения (Н.Макиавелли), началом Нового Времени (Дж.Вико, Ф.Бэкон, Дж. Локк, Т.Гоббс) и классическим Просвещением (М.Вольтер, Ж.Руссо). Здесь проблема социальных изменений была, пожалуй, впервые увязана с проблемой общественного развития в целом, хотя до Английской революции она не выступала как самостоятельная. Следует отметить наличие как исключительно прикладного момента (Н.Макиавелли), так и момента теоретического - связь проблемы изменений с циклическим (Дж.Вико) или поступательным (М.Вольтер) развитием общества, а также с возникновением общественных институтов (Т.Гоббс, Дж.Локк).

Так называемая эпоха буржуазных революций заставила по-новому взглянуть на проблему социальных изменений. Хотя первые работы, посвященные проблемам Английской буржуазной («Трактаты об управлении» Дж.Локка, «История Англии» Д.Юма и др.) и Великой французской революции (Ф.Гизо, О.Тьерри, Ф.Минье, Ж.Мишле и др.) отличались политической ангажированностью и размытостью содержания базовых категорий, само наличие новых процессов поставило перед исследователями задачу исследования их предпосылок, закономерностей складывания революционной ситуации и определения меры случайности и необходимости в революционных преобразованиях. Исследователи обращают внимание на классовую борьбу, на проблему сознательного и бессознательного в социальном поведении, на столкновение традиционных общественных структур и идеалов с новыми элементами. Выделяется общее в исторических процессах, протекавших в разные эпохи в различных социальных системах.

Большое значение для развития методологии исследования социальных изменений имели работы Г.Гегеля. У Г.Гегеля категория «изменение» становится одной из основных, а развитие подается как качество материи вообще. Изменение, переход объекта от одного состояния к другому рассматривается как «снятие» качества предыдущего. К сожалению, сам Гегель свою методологию применял для анализа реальных исторических событий не очень удачно, что дало основания для ее критики. Не **последнюю** роль сыграла здесь гегелевская концепция Абсолютного духа и его отчуждения.

XIX век стал эпохой возникновения знания, посвященного исключительно социуму и его законам. Думается, в рамках социальной науки второй половины XIX - начала XX вв. можно выделить два фундаментальных направления - социологическое и культурологическое (или цивилизационно-культурное). *Социологическое* направление тесно связано, с одной стороны, с так называемой классической социологией (О.Конт, Э.Дюркгейм, Г.Спенсер), с другой - с марксизмом. В рамках классической социологии удалось достигнуть заметных успехов в области исследования общества как такового. Несомненным достоинством указанного направления следует счи-

тать выдвижение в качестве критерия прогрессивного развития системы ее усложнение. Однако рассмотрение радикальных социальных изменений как аномалий и отклонений, их противопоставление «мягкой эволюции» было, думается, методологической ошибкой. Гораздо более плодотворным был в этом смысле марксистский подход, поскольку именно его представителям удалось показать внутренние причины великих социальных революций, рассмотреть их предпосылки и обосновать их закономерности. К сожалению, марксизм (как и позитивистская социология) был тесно связан с современной ему политической конъюнктурой, что неизбежно вело к упрощению и догматизации ряда теоретических положений. Это (вкуче с многозначностью некоторых положений марксизма) привело к тому, что возникло множество интерпретаций марксизма, иногда противоположных друг другу по содержанию (В. Ленин, Г. Плеханов, К. Каутский, Р. Гароди и др.).

В советский период отечественными исследователями было немало сделано для анализа социальных изменений вообще и социальных революций в частности. Общеметодологические вопросы разбирались в работах Г. Водолазова, С. Гончарука, В. Губанова, В. Давыдова, Д. Даниленко, А. Денисова, М. Селезнева и др. Проблемы конкретных социальных революций нашли отражение в работах М. Барга, Е. Черняка, А. Манфреда, И. Минца. Здесь решение конкретно-исторических проблем часто сочеталось с выходом на проблемы общесоциальные и социально-философские. Исследователи обращали внимание на изучение применимости понятия «революция» как ко всем качественным скачкам, так и только к переходу от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму; структуры социальной революции; особенностей революции в странах «третьего мира», проблемы непрерывности и дискретности исторического процесса, объективных и субъективных факторов в революции, проблема связи социальной революции и социально-экономических формаций. Вплоть до конца 80-х все указанные вопросы оставались дискуссионными, а отказ от марксизма в начале 90-х годов вообще снял их с повестки дня.

В науке западной диапазон теорий и подходов был несравненно шире. Как и в марксизме, в западной социологии в основе социальной революции видели социальный конфликт, однако не связывали его с внутрисистемным развитием общества, а придавали ему, как правило, внешний характер. После 1917 г. на Западе возникло целое направление, именуемое «социологией революции». Произошло дальнейшее развитие классической социологии (Б. Рассел, П. Сорокин). Появились первые попытки трактовать революцию с экзистенциальных позиций (Н. Бердяев, А. Камю). Существенное влияние на изучение процессов трансформаций оказали процессы второй половины XX века. Актуальным становится исследование природы Октябрьской революции, порожденного ей социума, общемировых процессов трансформации (Р. Арон, А. Зиновьев, Р. Пайпс) Именно в эту эпоху окончательно складываются теории элит (В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс, частично Х. Ортега-и-Гассет), теории модернизации (ранние Ш. Эйзенштадт и С. Хантингтон, Ч. Тилли, Л. Стоун и др.), теории массового общества (Г. Лебон, Г. Тард,

Х.Ортега-и-Гассет, К.Мангейм, Р.Миллс), зародившиеся еще в первой половине столетия. В рамках указанных теорий было продолжено изучение предпосылок социальных изменений; были сделаны попытки выйти за рамки социологизаторства, соединив социологизм с культурологизмом и психологией; были предложены интерпретации проблем социальной динамики стран «третьего мира»; наконец, анализу подверглась эпоха НТР, ее социальные последствия и характер происходящих изменений. Уже к 60-м годам на этой почве появился технологический детерминизм (З.Бжезинский, У.Росту, Д.Медоуз), функционализм (Т.Парсонс, Р.Мертон, А.Зиновьев), теория социального конфликта (Р.Дарендорф, Л.Козер, Д.Белл). Дальнейшее развитие получает психологический подход, основания которого были заложены в начале века (Г.Лебон, Н.Бехтерев, П.Сорокин, позднее - Дж.Дэвис, частично Э.Фромм). Наконец, новый всплеск интереса к проблеме социальных изменений совпал с «бархатными революциями» в Европе и гибелью социалистической системы. Ряд работ на эту тему представляет определенный интерес, однако, думается, десять лет это недостаточный срок для того, чтобы делать императивные выводы на философском уровне.

Свой вклад в развитие знаний о природе социальных изменений и социальных революций внесли и представители течения, именуемого «неомарксизмом» (Т.Адорно, Р.Гароди, Д.Лукач, Г.Маркузе). Основное достоинство неомарксизма состоит в творческом приложении марксизма XIX века к реалиям второй половины XX века - особенно категории «отчуждения» и схемы классовой борьбы.

В рамках неклассических теорий социального развития и социальных изменений особое внимание уделяется культурной доминанте, поэтому этот подход можно обозначить как культурологический. Родоначальниками его следует считать представителей Баденской (В.Виндельбанд, М.Вебер) и Марбургской (Г.Коген, П.Нартоп) школ неокантианства. Не порывая полностью с социологизмом, представители указанного направления акцентируют внимание на культурно-исторических, религиозных основах социальных изменений, опираясь, в том числе на работы А.Бергсона, Ф.Ницше, В.Дильтея. К сожалению, специальных работ, посвященных проблемам социальных изменений, представители указанного направления не оставили, поэтому для нас представляют ценность их методологические наработки.

Разделение на социологический и культурологический подходы условно и может быть применено в чистом виде только к социальным исследованиям XX века. Сегодня, на рубеже тысячелетий, наметилась явная тенденция к их смешению и созданию теоретико-методологических гибридов. Поэтому применительно ко дню сегодняшнему все исследования последних лет, посвященные социальным изменениям, можно условно разделить по нескольким основаниям. Во-первых, по уровню исследуемых систем - на глобальные, посвященные глобальным мировым процессам (Р.Абдеев, Ж.Аттали, И.Бестужев-Лада, З.Бжезинский, А.Бузгалин, М.Делягин, А.Кочергин, А.Некlessа, Дж.Сорос, А.Уткин С.Хантингтон, М.Чешков, Ю.Яковец) и региональные, посвященные социальным изменениям в том или ином регионе

(А.Данилов, Р.Дарендорф, Т.Заславская, К.Коукер, В.Мау). Во-вторых, *по используемой методологии* - на структурно-системные (А.Данилов, Т.Заславская, С.Кузьмин, Н.Луман, А.Рыжаков), акцентирующие внимание на изменения в элементах систем и их связях; *синергетические* (Р.Абдеев, В.Василькова, А.Назаретян), связывающие изменения с движением нелинейных неравновесных систем от хаоса к порядку и обратно; *историко-социологические* (Л.Беляева, В.Булдаков, С.Каспэ, В.Федотова, Ш.Эйзенштадт, С.Хантингтон), рассматривающие социальные изменения в исторической перспективе сквозь призму традиционных социологических теорий. В-третьих, *по оценке причин и результатов социальных изменений, а также его характера* - «революция как катастрофа» (И.Валлерстайн, Т.Шанин, С.Козн); «революция как маятник» (В.Булдаков, П.Волобуев); «революция как конфликт» (Р.Дарендорф); «революция как прорыв в новое качество» (А.Зиновьев, С.Кара-Мурза). Следует иметь в виду, что термин «революция» применяется авторами с определенными оговорками и не всегда.

Для разработки ряда проблем социальных изменений автор счел нужным обратиться к исследованиям, не связанным напрямую с проблемами социальных изменений, однако содержащих весьма ценный материал по проблемам социальных отношений. Проблема социальной коммуникации рассматривалась автором на основе классических марксистских (В.Лекторский, С.Поршнев, А.Спиркин, А.Уледов, М.Шахнович), неклассических (Э.Ильенков, С.Кара-Мурза, М.Мамардашвили), экзистенциально-феноменологических (П.Бергер, Э. Гуссерль, Ж.Сартр) исследований. Существенный вклад в разработку взаимодействия Я и Другого в процессе диалога внесли М.Бахтин, М.Бубер. Проблема коммуникации и социальной мифологии рассматривалась в работах А.Лосева, Ю.Лотмана, Ю.Хабермаса, структурализма (К.Леви-Стросс, М.Фуко), исследователей философии культуры (Я.Буркхардт, П.Козловски, Л.Черная) и социальной психологии (С.Поршнев, М.Шахнович). Привлечение указанного материала для анализа социальных изменений, по мнению автора, дает возможность исследовать ряд проблем, оставшихся до сих пор малоизученными.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступают социальные системы. Предметом исследования является сущность социальных изменений на разных этапах развития, а также сущность социальных систем различных типов. При этом автор искусственно ограничивает изучение заявленных проблем рамками западного общества, под которым он понимает социумы Западной Европы (включая британские доминионы), Северной Америки и России. Данные границы автор задает а priori, поскольку обоснование этого ограничения не входит в задачи исследования. Также в работе используется материал из истории развития и гибели античного общества, охватывающего социумы греческих прото-полисов и полисов, эллинистические государства и социум Древнего Рима. Социальные системы иных культурных типов в работе не рассматриваются.

Теоретико-методологические основания исследования. Методологической основой настоящего исследования стали теоретические разработки

ряда ученых, рассматривающих социальные изменения как изменения социального базиса: способа производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ; общественных отношений; взаимозависимости общественного бытия и общественного сознания и т.д. Изменение рассматривается как социально-экономические (изменения способа производства материальных благ), политические (изменения организации управления и системы подчинения) и культурные (изменения картины мира в общественном и индивидуальном сознании) феномены. При анализе последнего используется феноменологический подход, предложенный М.Бахтиным, А.Лосевым, Ю.Лотманом и др., до сих пор в исследованиях социальных изменений широко не применявшийся.

Для рассмотрения феномена социальной трансформации в целостности применялся системный подход, а также ряд положений синергетики (изменение как бифуркация и т.д.). При решении поставленных задач автор руководствовался диалектическим методом познания в сочетании с принципами историзма, системной целостности, а также иными общепринятыми научными методами социально-философского исследования, такими как анализ, синтез, абстрагирование, конкретизация, индукция, дедукция и т.п.

Цели и задачи. Цель диссертационного исследования состоит в анализе сущности социальных изменений в системах развитых обществ и предложении оснований для составления типологии указанных изменений.

В связи с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

- проанализировать основные теории и парадигмы, описывающие процесс развития социальных систем и их изменений - теорий модернизаций, марксизма, неклассической социологии и др.; выявить их методологическую базу, особенности подхода к проблеме;

- установить связь между системным (сущностным) качеством системы и ее изменением;

- рассмотреть закономерности воспроизводства системного качества в его связи с деятельностью конкретных **субъектов-аторов**; определить понятие «отклонение» в рамках анализа социальной системы, выяснить источник отклонений;

- дать характеристику кризису социальной системы, рассмотреть гибель указанной системы, как через абсолютное отрицание, так и через снятие системного качества, определить содержание понятия «социальная революция»;

- предложить типологию социальных изменений по ряду оснований.

Научная новизна диссертационной работы:

- выявлены тенденции формирования теорий социальных изменений и социального развития: теорий модернизаций, марксизма, социально-психологической парадигмы, теорий элит, массового общества, конфликта, теорий культурологического направления, ряда современных социально-философских парадигм; определены познавательные возможности и перспективы указанных теорий;

- исследованы социальные системы на различных уровнях социального бытия - системы отношений господства-подчинения и управления, системы

производственных отношений, системы первичных отношений социальных субъектов; проанализирована связь между системным качеством как *неотчуждаемой сущностью* социальной системы и социальными изменениями, установлено, что изменение, происходящее в рамках социальной системы, затрагивает не само системное качество, но его меру;

- рассмотрены закономерности воспроизводства социальных систем в его связи с социализацией индивидов как процесса включения новых субъектов в структуру социальной системы на всех уровнях социального бытия; определены причины появления и накопления несистемных отклонений, основной из которых является деятельность акторов; выдвинута гипотеза о наличии взаимосвязи между несистемными отклонениями и структурой сознания субъекта-актора;

- дана характеристика кризису социальной системы как особому состоянию системы общественных отношений, находясь в котором, система не имеет возможности контролировать процесс накопления отклонений; установлено, что выход из кризиса возможен либо через полное уничтожение системы, либо через диалектическое отрицание; рассмотрен феномен социальной революции как процесс перехода к капитализму и отрицания феодализма.

- исходя из анализа общества как многоуровневой системы, предложены следующие основания для типологии социальных изменений: отношение к системной иерархии, отношение к системному качеству той или иной системы, степень управляемости, характер, уровень сложности.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что оно строится на основе теоретико-методологического анализа большинства известных теорий социального развития и социальных изменений; показывается связь глобальных социальных процессов с отдельными уровнями социального бытия. Автором предлагается ряд методологических подходов к исследуемой проблеме, сделана попытка преодоления «узких мест» в теориях социальных изменений. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в научно-исследовательской работе, при анализе процессов, происходящих как в России, так и в мире в целом; в преподавании курсов философии, социальной философии, социологии и политологии; в разработке спецкурсов и спецсеминаров по данным дисциплинам.

Апробация диссертационного исследования. Основные положения диссертации были изложены автором на ежегодных научных чтениях в МПГУ в 2002 г; на 52-й научно-технической конференции МИРЭА; частично - на ежегодной конференции исторического ф-та МПГУ; в преподавании курсов социологии и политологии студентам Московского института радиотехники и автоматики.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, по четыре параграфа каждая, заключения и библиографии.

Основное содержание работы

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень ее разработанности в отечественной и зарубежной философии.

фии, определяются цели и задачи исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость. Характеризуется методологическая основа и теоретическая база исследования.

В первой главе «Теории социального развития и социальных трансформаций» рассматриваются различные теории развития обществ, социальных изменений и социальных революций. Анализируются достоинства и недостатки теоретических построений, делаются выводы о дальнейшем использовании их теоретико-методологического багажа.

В первом параграфе «Социальные изменения и их социологические интерпретации» диссертант рассматривает содержание категорий «развитие», «изменение», «революция», «прогресс», «регресс», анализирует работы современных исследователей, рассматривает подходы к социальному развитию в целом. Первый пункт посвящен анализу содержания базовых категорий исследования. Автор приходит к выводу, что на современном этапе для отечественных исследований, в целом, характерно: а) сосредоточение внимания исключительно на проблеме изменений 90-х годов; б) активное заимствование схем и моделей западной социологии; в) использование новой методологии исследований социальных процессов (например, синергетики или феноменологии) при сохранении схемы «базис-надстройка». Указанные особенности вызваны рядом причин: частичным разочарованием в марксизме, глубоким шоком, развившимся в российском обществе вследствие коренной ломки социальной системы, новыми глобальными процессами, происходящими в мире и т.д. В этой связи особую роль играет проблема соотношения категорий «революция» и «изменение», «прогресс» и «регресс», «изменение» и «развитие». Сегодня само понятие «революция» реабилитировано отечественной наукой и утратило черты ярлыка, какие имела еще десять лет назад. Однако проблема соотношения понятий «изменения» и «революция» остается, в том числе и в связи с оценкой событий конца 80-х начала 90-х гг. Одни исследователи считают произошедшее революцией (Н.Мау, О.Смолин), поскольку произошла коренная ломка общественных отношений и смена общественного базиса, другие - нет (Т.Заславская, А.Данилов), поскольку не решены модернизационные задачи, практически не произошло смены правящего слоя и т.д. В последнем случае применяется категория «трансформация», поскольку «революция» означает разрешение противоречий путем снятия, а не уход от них. Ряд исследователей называет произошедшее «контрреволюцией» (А.Зиновьев, С.Кара-Мурза). Однако в любом случае оказывается, что указанные категории связаны с категориями прогресса и регресса, которые автор рассматривает как показатели уровня развития системы и направления ее развития. Критерием прогресса (регресса) автор предлагает считать усложнение (упрощение) системы в процессе ее движения, что выражается в увеличении (уменьшении) числа подсистем, в усложнении старых связей и образовании новых, в повышении интегрированности внутренней среды системы и ее информационной проводимости и т.д.

Второй пункт посвящен анализу социологического подхода к социальному развитию в целом и социальным изменениям в частности. Поскольку в

современной науке существует не чистый социологизм, а своего рода гибрид между социологизмом и другими направлениями, автор считает необходимым развести общесоциологическую и **историко-социологическую** парадигму, подчеркивая при этом два существенных момента а) обе парадигмы являются *направлениями* в рамках социологического подхода; б) **историко-социологическая** парадигма выделена лишь в рамках отечественной науки, хотя подобного рода тенденции присутствуют и в науке зарубежной. Основным отличием историко-социологического подхода является рассмотрение истории человечества как процесса взаимодействия различных культур и систем, сменяющих друг друга и существующих одновременно. Представители данного подхода ставят задачу построения особых исторических схем, претендующих на охват проблем, для решения которых марксизм, по их мнению, оказался непригоден. Возникновение подобного рода концепций было вызвано, прежде всего, кризисом отечественных общественных наук.

Третий пункт посвящен анализу теорий в рамках историко-социологического подхода (А.Ахизер, Ю.Семенов, В.Фурсов, Ю.Яковец). Сильная сторона указанных теорий заключается в новой постановке проблем движущих сил развития, исследовании цикличности процессов. Недостатки - искусственный схематизм, противоречия между базовыми положениями и категориями, порожденные некритическим преодолением марксистской догматики. Исследователи часто пытаются говорить о цивилизациях или «информационном обществе», не отбрасывая и не переосмысливая традиционное понятие «формации». В целом, современная отечественная наука немало сделала как для преодоления догматизированного марксизма, так и для объяснения современных глобальных процессов в общеисторическом контексте. Однако в социально-философском плане действительное понимание процессов развития и социальных изменений часто подменяется созданием **культурно-цивилизационных** схем.

Во втором параграфе «Социологический подход как таковой» рассматривается возникновение и развитие ряда теорий общесоциологического подхода, а также современное их состояние. Первый пункт посвящен анализу наиболее распространенного направления в социальных науках. Возникшие на базе неклассического направления в социологии, теории модернизации рассматривали возникновение капитализма как переход от *традиционного* общества к *современному*. Изначально определения этих типов обществ отличались чрезвычайной широтой и охватывали абсолютно все сферы социального бытия, включая сознание людей. Однако постепенно возникли трудности, связанные с неравномерностью развития капитализма внутри самого Запада, специфическим развитием незападных социальных систем, проблемой альтернативного развития в рамках советской системы. Некоторые внутренние особенности теорий модернизации не позволяли решить указанные проблемы без модернизации самих теорий модернизации. Своеобразным ответом стало предложение а) концепции двух (трех) эшелонов модернизации; б) концепции «модернизации без вестернизации»; концепции «всеера модернизаций». Произошло также частичное отождествление модернизации со

становлением западной системы отношений и индустриализацией (Д.Лернер, Д.Медоуз, У.Мур). Был сделан ряд попыток объяснить революционные процессы, как в России, так и в странах «третьего эшелона», исходя из особенностей процессов модернизации (С.Хантингтон, Ш.Эйзенштадт). В ряде случаев, по мнению автора, размывается понятие традиционного-современного общества, а, значит, исчезает и сама «модернизация» как процесс социальных изменений.

Во втором пункте автор останавливается на анализе ряда частных теорий социальных изменений: теориях элит, массовое общество, конфликта. К достоинствам указанных теорий можно отнести то, что в их рамках прослеживается связь между развитием системы и отношениями власти внутри нее, что является характеристикой управляемости системы (теория элит), делается попытка связать «массу» как с дестабилизацией (Х.Ортега-и-Гассет), так и *интегрированностью* социума (Д.Белл, У.Шиллз), анализируется природа конфликта и предлагаются способы его разрешения. В целом же, все рассмотренные в данном пункте теории сами по себе для анализа социальных изменений и социального развития малопригодны, хотя их комплексное использование способно дать ценные результаты.

Третий пункт посвящен рассмотрению **психологизаторских** концепций в западной социологии, связанных с **гештальтпсихологией**, бихевиоризмом, идеями З.Фрейда и Г.Юнга, Н.Бехтерева, Г.Лебона, Г.Тарда. Автор рассматривает трактовку понятия «аномия» в рамках психологизма. Особое внимание уделяется концепции П.Сорокина, рассматривающего революцию как результат подавления базовых человеческих инстинктов. Диссертант считает главной заслугой социально-психологической школы то, что ей удалось «вернуть социологию к человеку». С другой стороны, при определении демаркационных линий возможно сближение социально-психологического подхода с феноменологической социологией.

Третий параграф «Социальные изменения в трактовке марксизма» посвящен анализу марксистской теории социального развития и социальных изменений. Особое внимание обращается на **формационную** схему мировой истории, определение категории «социальная революция», а также на методологические основания марксистской теории. В первом пункте рассматривается связь категории «социальная революция» с теорией общественно-экономических формаций (ОЭФ). Сущность каждой ОЭФ определяют производственные отношения, каждая ОЭФ основывается на той или иной материально-технической базе, уровне развития производительных сил. Социальная революция есть переход общества от одной ОЭФ к другой, качественное прогрессивное изменение всей социальной системы. Поскольку марксизм понимает прогресс как движение от *низших* форм к *высшим*, - каждая ОЭФ представляет более высокий уровень материального производства и удовлетворения потребностей, чем предшествующая ей. Критерий прогресса включает в себя несколько уровней а) овладение силами природы; б) раскрытие способностей человека; в) удовлетворение потребностей человека и обеспечение его средствами жизни. Революция есть качественное изменение спосо-

ба производства, вызванное противоречием уровня развития производительных сил и характера производственных отношений. Таким образом, качественное изменение производительных сил (а затем - и характера производственных отношений) является основным источником социальных революций.

Второй пункт посвящен проблеме поиска критериев качественных изменений производительных сил. Диссертант анализирует ряд дискуссионных положений марксистской теории, в частности, оценку уровня производительных сил. Автор вслед за рядом исследователей приходит к выводу, что сам по себе технико-технологический критерий позволяет выделить лишь *два* уровня такого типа - аграрный и индустриальный, поскольку третий тип (информационный) находится в процессе становления. Следовательно, качественный скачок в уровне развития производительных сил был в истории человечества всего один. Однако вторым элементом способа производства являются производственные отношения, возникающие в процессе производства материальных и духовных благ. Именно производственные отношения являются базовыми отношениями, определяющими сущность социума и законы его функционирования и развития. Диссертант считает, что всеобщность такого положения является упрощением, однако для эпохи капитализма это упрощение вполне допустимо и в некоторых случаях - необходимо. Другое дело, когда речь идет о некапиталистических обществах. Здесь диссертант обращается к другому, более широкому пониманию понятия «производство», включающему в себя и воспроизводство человека (социализацию) и производство всей общественной жизни, то есть, самовоспроизводство социальной системы. Основываясь на работах классиков марксизма, диссертант старается показать, что узкое понимание «производства» и всех связанных с ним категорий порождает противоречия. В связи с этим автор считает необходимым обратиться к анализу марксистской методологии.

Такого рода анализу диссертант посвящает третий пункт. Автор обращает внимание на диалектическую основу марксистского учения. Следует иметь в виду, что диалектика является скорее методикой построения верной интерпретации действительности. Диалектика не устраняет противоречия, она сосредотачивает свое внимание на них. Но указанные противоречия, скорее, противоречия научных категорий и понятий, взаимоисключающих друг друга. Другой метод - «от абстрактного к конкретному». Абстракции являются своего рода «метками», ориентирами мышления, которые последнее расставляет в море эмпирического материала, при помощи которых этот материал структурируется. При этом «самые абстрактные категории» а) должны иметь силу для всех эпох; б) включать в себя все другие, более конкретные и более простые абстракции. Согласно этой логике, а) капиталистическое общество содержит в себе все предшествующие стадии общественного развития в снятом виде; б) изучение капиталистического общества есть ключ к изучению всех прочих обществ; в) это изучение должно опираться на единую систему абстракций, в качестве которой признается система диалектического взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Таким образом, универсализм марксистской теории вытекает из ее методологии, тесно

связанной с гегелевской диалектикой. Однако конкретно-историческое содержание категорий, описывающих капиталистическое общество и некапиталистическое общество, связь между ними и т.д. будет различным на *любом* уровне, кроме *максимальных* обобщений. Таким обобщением является, например, категория «производство», охватывающая и *воспроизводство* системы в целом. В этой связи категории «производительные силы», «способ производства», «производственные отношения» могут в традиционно-узком понимании применяться только для анализа капиталистического общества, а понятие социальной революции, в которое входит категория снятия противоречий между элементами способа производства - следует отнести к переходу от феодализма к капитализму. К иным социальным процессам указанное понятие в чистом виде, без оговорок, видимо, неприменимо.

Четвертый пункт посвящен анализу формационной теории марксизма. Учение о формациях в работах классиков марксизма носит противоречивый характер, поскольку указанное понятие встречается в двух значениях: а) «общество, основой которого является тот или иной способ производства»; б) «общество, в котором наличествует или отсутствует классовый антагонизм». Такого рода разночтение не может не вызвать сложностей в определении социальной революции. Для разрешения указанной проблемы автор обращается к марксистскому пониманию политогенеза, поскольку именно государство является главным институтом классового общества. При анализе диссертант приходит к выводу, что *пути* политогенеза *не связаны непосредственно* с процессом развития производительных сил, хотя само возникновение государства в любом случае детерминировано последним. Далее, социальная революция подразумевает *изменение* социальной системы, а не ее *возникновение*. Указанное изменение имеет качественный характер, однако, его качество *иное*, нежели смена способа производства через его снятие. Таким образом, понятие социальная революция применимо только к переходу европейского общества от феодализма к капитализму. С другой стороны, понимание развития социальной системы как постоянного ее воспроизводства во времени и пространстве, является наиболее плодотворным для понимания содержания развития и анализа сущности социальных изменений.

Четвертый параграф «Культурно-плюралистические подходы к философии истории» посвящен анализу неклассических направлений в исследовании социального развития - работ представителей так называемого культурологического или **цивилизационного** подхода. В первом пункте автор рассматривает причины его возникновения и дает его характеристику в сравнении с подходом социологическим. Диссертант подчеркивает такие различия между ними, как акцент на особенном, отдельном, а не общем, частичный отказ от определения целей социального развития и от идеи социального прогресса, исследование социальных систем как отдельных организмов и др. Следует иметь в виду, что наука пока еще не выработала единого понимания феномена цивилизации. Это не могло не сказаться на общем уровне исследований.

Второй пункт посвящен анализу работ основателей цивилизационного

подхода - Н.Данилевского, О.Шпенглера, А.Тойнби. В ходе анализа выделяются следующие особенности их теорий: а) отрицание единства мировой истории - полное или частичное; б) введение понятий «культура», «душа», использование методологических наработок ряда направлений «философии жизни»; в) рассмотрение развития социальных систем как жизненного цикла с одной стороны, с другой — как воплощение некой «идеи» и вообще как отражение развития «души культуры»; г) элитаризм. Диссертант отмечает, что плюрализм указанных теорий кажущийся и связан исключительно с иррационализмом и идеалистическими построениями. Когда же авторы «спускаются с небес на землю» плюрализм исчезает, и развитие *любого* общества, в целом, вписывается в жизненный цикл от рождения до смерти.

Третий пункт посвящен проблеме развития теорий основателей **цивилизационной** парадигме в ходе их «прививки к стволу» классической науки и классической рациональности. Теории П.Сорокина, Ш.Эйзенштадта, С.Хантингтона выводят в качестве причин изменений и социального развития явления, лежащие в области культуры, религии и «отношения к трансцендентному», анализируя, например, социальный утопизм (построение модели идеального общества и его отношение к объективной реальности) как существенный элемент трансформационного процесса. В целом, оценивая попытку поставить **цивилизационный** подход на классические научные рельсы, автор отмечает ее продуктивность для решения ряда вопросов, однако видеть только лишь в этом ключ к решению большинства проблем социального развития современности было бы неверно.

Во второй главе «Изменения социальных систем» процессы развития социальных систем, причины их изменений, их движущие силы и типы анализируются на основании общенаучного понятия системы, и на разных уровнях социального бытия. Исследование строится на базе материала, анализ которого был проведен в первой главе.

Первый параграф «Социальные изменения и системное качество» посвящен проблеме определения социальной системы, ее изменений, **отношения** последних к системному качеству. В первом пункте автор дает общее определение социального изменения как *любой смены одного состояния социальной системы другим*. Изменение может быть вызвано как внешними, так и внутренними причинами, однако в любом случае характер изменений и их форма, результаты изменений будут детерминированы системным качеством системы, характером связи ее элементов. Наиболее продуктивным для решения поставленных в работе целей и задач является понимание «состояния» как этапа развития социальной системы. Автор подчеркивает, что понятие «этап» он не связывает с понятиями «прогресс» и «регресс» вне конкретно-исторической ситуации. Поскольку системное качество составляет сущность любой конкретной системы, то его изменение неизбежно ведет и к отрицанию системы. По *отношению к системе* такое отрицание будет иметь форму *смерти* системы, даже в том случае, если произошло ее *снятие* в рамках диалектического отрицания, поскольку а) уничтожено системное качество; б) элементы в рамках иной системы обладают после процесса снятия но-

вым качеством. Другая ситуация возникает в том случае, если изменение системы рассматривается в связи и соотношении некой *общей* системой (системой высшего уровня), по отношению к которой первая будет являться частью некоего целого, состоянием (этапом развития). В этом случае рассматриваемое отрицание тоже будет диалектическим, поскольку элементы низшей системы при ее смерти не теряют системного качества системы высшего уровня, поскольку являются ее частями. Процесс развития предстает как диалектическое единство непрерывности и дискретности, а состояния социальной системы характеризуются различием не столько в системном качестве (оно относительно системы неизменно), сколько в качестве изменений системы.

Второй пункт посвящен анализу феномена системности в социальном бытии. Автор дает следующее определение социальной системы: *целокупность многообразия отношений, возникающих между субъектами в процессе совместной жизнедеятельности и основанных на тех или иных способах коммуникации*. Элементом социальной системы автор считает отношения **Я-Другой**. В том случае, если указанные отношения обладают системным качеством, они рассматриваются как системные, если они не обладают системным качеством, они рассматриваются как *отклонения*. Первичная группа, складывающаяся на основе общности деятельности и ее характера, является минимальной *частью* системы, в рамках которой *воспроизводится системное* качество. Под внутренней средой системы диссертант понимает всю совокупность материальных и нематериальных объектов, включенных в систему и являющихся носителями системных качеств. Главным актором является индивид. По этой причине источником отклонений от системного качества и их накопления является, в конечном счете, деятельность индивида. В процессе деятельности индивидов и их взаимодействия происходит воспроизводство отношений данного системного качества, а, значит, осуществляется *воспроизводство* системы. Проблемой является *основа* такого воспроизводства. Указанная основа и будет являться основным проявлением системного качества - а его изменение неизбежно приведет к изменению социальной системы через изменение системного воспроизводства. Таковым основанием не могут являться отношения сами по себе. Основание существует *внутри* отношений и служит главным регулятором их воспроизводства в процессе деятельности субъектов.

Прежде чем приступить непосредственно к анализу закономерностей воспроизводства системы, автор считает необходимым в третьем пункте данного параграфа остановиться на предварительной типологии социальных систем, поскольку этот вопрос имеет большое значение для дальнейшего исследования. Для решения поставленных в работе задач, по мнению диссертанта, наиболее продуктивным является выделение типов систем по уровню их организации, и по их связи в отношениях иерархии. На этом основании автор выделяет три типа систем, которые условно называет «большие», «средние», «малые». Элементами всех систем будут отношения, сводящиеся к первичному **Я-Другой**. Однако в конечном итоге, элемент большой системы будет включать в себя качества как средней, так и малой системы в кон-

кретный момент времени.

Второй параграф «Отношение Я-Другой как элемент социальных систем» посвящен анализу элемента, общего для всех социальных систем - то есть отношения Я и Другого в процессе деятельности, - а также формирования общественного и группового сознания и воспроизводства системного качества в ячейках социальной системы. Первый пункт посвящен анализу проблемы человеческого сознания и его связи с социальным бытием индивида-актора. Главный вопрос - об основаниях возникновения отношений между Я и Другим, причем отношений устойчивых, воспроизводящихся в течение длительного времени. Автор исходит из того, что сознание индивида есть особая, субъективная, реальность, интерпретирующая объективную реальность при помощи символов, образов, моделей и позиционирующая Я в поле этой интерпретации. Создание субъективной реальности происходит в процессе жизнедеятельности - через накопление знаний о мире и его объектах, о связях между ними. Имя предмета (ноумен) наполняется конкретным содержанием. Однако для позиционирования Я необходима и саморефлексия. Здесь возникает Другой, играющий роль своего рода зеркала Я. В «диалоге» (М.Бахтин) с Другим Я познает свою сущность. Таким образом, одна из основ диалога и отношений - познание объективной реальности и саморефлексия. Другой основой является потребность в обмене информацией в процессе совместной деятельности. Диалог строится на обмене знаками и понимании их смысла через их расшифровку и интерпретацию. Здесь диссертант обращает внимание на то, что в процессе высказывания мысли и ее интерпретации происходит своеобразное «отчуждение» мысли от сознания-носителя. Такое «отчуждение» само по себе делает невозможным диалог и отношения, но поскольку такие отношения существуют и устойчиво воспроизводятся, имеет смысл говорить о той или иной *степени* «отчуждения».

Во втором пункте диссертант рассматривает основные закономерности складывания больших социальных субъектов на основе первичного отношения Я-Другой. Автор выдвигает гипотезу о наличии некоего пространства наиболее общих идей, образов и знаков, «отчуждение» которых в процессе диалога и социального взаимодействия минимально. Каждый отдельный индивид застает такого рода поле исторически сложившимся и воспринимает его как данность, однако, в целом, условиями возникновения такого поля являются наличные для индивидов общность деятельности и общность бытия. Последнее есть не что иное как **бытие-в-системе**, то есть, позиционирование и Я, и Другого в системе общественных отношений. Складывание группового сознания также связано и с противопоставлением «Наших» и «Чужих» как обладающих иным **бытием-в-системе**, а, значит, и иным общим полем диалога. «Чужой» может быть как этническим, так и социальным. Таким образом, диалог (и социальные отношения) строятся на некоей культурно-коммуникативной базе, которая является общей для определенной группы людей. Такого рода пространство автор предлагает именовать *культурно-смысловым полем*.

Третий пункт посвящен дальнейшей разработке проблемы складывания

общественных отношений. Автор ставит целью выделить те сегменты в сознании индивидов, которые служат основанием для построения отношений, и наоборот - содержат в себе потенциальное отрицание не только этих отношений, но и социальности и системности вообще. Диалектический анализ позволяет выделить в структуре сознания-несознания несколько крупных блоков, из которых принципиальное значение имеют два - сознательное сознание (рациональность) и несознательное сознание (**не-рациональность** и социальный мифологизм). Источником и базой диалога и социальных отношений является второй блок, автоматически воспринимающий социальную реальность как данность, начиная с первичной социализации. Что же касается первого блока, то именно здесь следует искать источник отклонений, поскольку рациональность призвана а) рефлексировать окружающий мир; б) саморефлексировать; в) ставить проблемы и сомневаться в истинности выводов. Здесь признается, как правило, индивидуальный опыт, общественный же, если он не подлежит проверке эмпирически - может быть снят.

Дальнейший анализ закономерностей движения социальной материи и ее изменений дается в **третьем параграфе** «Развитие социальных систем». Акцент делается на исследование процесса воспроизводства системы как устойчивой совокупности социальных отношений в рамках системного качества, а также на анализе отклонений в процессе этого воспроизводства. В первом пункте рассматриваются основные закономерности воспроизводства **человека-социального** (актора) в рамках системы. Автор считает социализацию основным элементом такого воспроизводства, поскольку индивид а) усваивает, в целом, понимание социальной материи как матрицы с набором социальных ролей; б) получает первичную информацию об объективной реальности на основе коммуникативно-смыслового поля, причем информация эта уже структурирована и объединена в цельную картину (социальную мифологию); в) получает первичную информацию о самом себе. В любом случае пространство коммуникативно-смыслового поля настолько широко, что всегда подразумевает возможность выбора тех или иных вариантов интерпретаций и моделей поведения для любого субъекта. Однако реальная история дает нам примеры выхода индивидов из той или иной системы и даже прямого вызова системе со стороны индивидов и социальных групп. Возникает вопрос о природе такого рода вызова.

Указанная проблема рассматривается во втором пункте. Очевидно, любое сознание Я есть совокупность **Я-индивидуального** (то есть, индивидуальной оценки объективной реальности) и **Я-общественного** (актора). Можно отметить соответствие Я-индивидуального рациональному сегменту, а **Я-социального** - «несознательному сознанию». Сознание и поведение индивида определяет соотношение этих элементов. Существует следующая зависимость между соотношением Я-индивидуального и **Я-социального** и уровнем сложности социальной системы: *чем менее выражено Я-индивидуальное в общем соотношении в рамках общества в целом, тем менее развито системное качество*. Автор останавливается на причинах такого рода зависимости, вызванной, очевидно: а) более высоким уровнем «отчуждения мысли» (и

атомизации человеческого бытия) в развитых системах с высокоуровневым коммуникативно-смысловым полем, что требует *рационального* восприятия информации, а, следовательно, подключения *индивидуального* логического анализа; б) усложнением самой объективной реальности, прежде всего, социальной материи, появлением внутри последней новых элементов и связей. Эта зависимость наблюдается, в целом, в социальных системах всех уровней. Также для всех систем будет верно и следствие из вышесказанного - *увеличение общей доли Я-индивидуального в сознании индивидов-акторов данной системы ведет к увеличению массы несистемных отклонений*. В этой связи автор полагает, что истинное несистемное движение возможно только лишь на уровне социальных слоев с высокой долей рационального мышления, которое позволяет выходить за границы коммуникативно-смысловых полей, хотя часто этот «выход» преодолевает лишь утилитарно-бытовые рамки.

Подробному анализу несистемных отклонений и их типов посвящен третий пункт. Под отклонением понимается явление, когда построение отношений (в том числе и первичных) совершается *вне системного качества*. Отклонения в системе имеются в наличии всегда. Кризис наступает в том случае, если а) система не имеет возможности абсорбировать эти отклонения; б) если общая сумма отклонений достигает определенной меры и превышает ее. Для каждой системы эта мера будет различной, как различны будут и сами отклонения по своему содержанию и форме. Некоторые так называемые отклонения имеют лишь форму таковых, не являясь ими по сути. Поскольку все объекты материального мира обладают системным или **не-системным** качеством в рамках системы только будучи включенным в процесс деятельности людей, основным источником отклонений являются индивиды-акторы и группы индивидов. В заключении диссертант обращает внимание на диалектику изменяемого и неизменного в рамках социальной системы.

Четвертый пункт посвящен общему анализу бытия социальной материи. Основной целью системы является непрерывное самовоспроизводство. Социальная система воспроизводится в процессе деятельности индивидов. Эта деятельность может как усложнять систему, так и разрушать ее. Усложнение системы напрямую связано с а) повышением качества внутренних связей элементов, то есть, повышением степени интеграции внутренней среды; б) системным разделением труда, дифференциацией отдельных функции и их распределением между частями системы. И то и другое суть процессы сосуществующие, происходящие на основе развития системного качества. Здесь уместно методологическое замечание: исследование системного качества системы следует проводить на основе анализа этой системы в высшей точке ее развития. По прохождении высшей точки развития наступает *кризис* - состояние системы, когда *системное качество становится тормозом дальнейшего развития*, и фактически отсутствует «переход количества в качество». Природа кризиса объективна. Причины кризиса следующие: а) ограниченность развития системного качества любой системы; б) связанное с этим невозможность абсорбации отклонений; в) нарушение управляемости и др.

Четвертый параграф «Изменения на различных системных уровнях и их

взаимосвязь. К типологии социальных изменений» посвящен анализу изменений на различных уровнях систем, определенных выше как «большой», «средний» и «малый». В заключении как итог дается их развернутая типология. Пункт первый развивает идеи, высказанные в 2.1.3. Диссертант подробно рассматривает основания всех трех системных уровней, каждый из которых представлен как относительно самостоятельная система. Основанием *малой системы* являются отношения управления и строящиеся на их основе отношения господства и подчинения. Указанное основание не тождественно понятию «политический режим» или «форма правления», поскольку в рассмотрение берутся не юридические абстракции, а более-менее конкретные отношения, которые выстраивает любая пришедшая к власти элита. Основанием системы *среднего типа* являются производственные отношения во всем их многообразии. Автор не видит причин для отказа от использования в данном случае понятия «формация». Наконец, для *большой системы* основанием является вся совокупность первичных отношений Я-Другой. Указанное основание, очевидно, будет высоко вариативным (то есть, содержать в себе в неявном виде множество скрытых аттракторов). Одним из блоков этого основания является так называемое коммуникативно-смысловое поле, существующее в рамках каждой системы, приобретая, однако на уровне большой системы характер абсолютного всеобъемлющего феномена, позволяющего присваивать имена (ноумены) всем объектам объективной реальности и устанавливать между первыми любую взаимосвязь на любом уровне.

Анализу **коммуниктивно-смыслового поля (КСП)** в этой связи посвящен второй пункт. Поскольку КСП является основой отношений и базой их воспроизводства, очевидна его прямая связь с системным качеством. КСП содержит большое число вариантов интерпретации объективной реальности, что является потенциалом для его развития. Однако КСП составляет лишь одну сторону системного качества. Другую его сторону (актуальную) составляет деятельность конкретных субъектов в рамках тех или иных групп. Таким образом, высший этап развития системы, является, с одной стороны, максимальным освоением объективной реальности в рамках данной системы; с другой — итогом развития в рамках тех или иных форм деятельности на основе КСП. КСП в движении представляет собой не что иное, как социальный миф. Мифология существует в рамках каждой системы. Автор рассматривает возникновение различных социальных мифов в рамках одного и того же базового мифа, их столкновение и конфликт. Однако такого рода конфликт, по мнению автора, серьезной угрозы системе сам по себе не несет.

Третий пункт посвящен подробному анализу основных состояний системы, смена которых и будет являться социальным изменением в наиболее точной интерпретации указанного понятия. Различные состояния характеризуются а) различной мерой системного качества; б) различным качеством изменений в системе. В последнем случае речь идет об изменениях в рамках общесистемного направления развития - прогресса или регресс. Первое состояние - состояние прогрессивного развития. Данное состояние характеризуется усложнением системы социальных отношений и повышением эффек-

тивности ее функционирования. Второе состояние - состояние максимума развития или «расцвета». На данном этапе система обладает максимально развитой качественной определенностью. Это же состояние характеризуется *пределом* развития. На этом этапе в рамках системы могут возникать своего рода мини-системы, представляющие собой частные варианты развития в рамках общего системного качества. Однако в результате соперничества побеждает лишь один вариант. Кризис есть прямой результат максимального развития системного качества с одной стороны и невозможности дальнейшего развития в рамках этого качества с другой. Вслед за кризисом наступает состояние распада, характеризующееся выходом элементов из системы, образованием контр-систем на основе отклонений, и общесистемным регрессом. Выход из этого состояние двоякий - либо прекращение социального бытия вообще, либо системы диалектическое отрицание. Определенное соответствие между изменениями систем разных уровней существует по аналогии с экономическими циклами, но в отличие от последних первые не имеют циклической природы. Сложность состоит в том, что история цивилизаций Запада дает нам только один пример перехода от одной средней системы к другой через снятие - процесс перехода от феодализма к капитализму.

Подробному анализу особенностей указанного изменения посвящен четвертый пункт. Социальная революция (СР) - длительный процесс, состоящий из продолжительной во времени цепи событий. Сама по себе СР не может быть сведена к какому-либо из них. Процесс перехода от одного способа производства к другому можно определить как особое состояние, хотя, в целом, социальная революция является социальным изменением и может быть описана сквозь призму общего подхода к данному явлению. СР является прямым результатом кризиса феодальных отношений, «вырастает» из этого кризиса и является одной из форм его преодоления через отрицание старой системы. Автор обращает внимание на недопустимость прямого отождествления СР с эпохой масштабного насилия и **террора**, так как это противоречит имеющемуся фактическому материалу. Выход революционного процесса на поверхность данном виде возможен лишь в том случае, если отсутствует единство понимания между различными социальными группами в рамках системы, отсутствует общность интересов. Кризис элит (как «кризис верхов») при активности «низов» неизбежно порождает то, к чему обычно и сводят понятие «революция» как таковая. Далее. СР оперирует своей собственной мифологией, так и своей собственной системой символов, которая, однако, разворачивается на базе наличных коммуникативно-смысловых полей. Часто революционный миф эклектичен - в нем сочетаются элементы мифов социальных групп, мифов тех или иных систем малого и даже среднего уровня. СР немыслима без своего диалектического отрицания - контрреволюции, однако контрреволюция а) не может «отменить» революцию или подменить ее собой; б) является сопротивлением не столько старой системы (поскольку та уже фактически распалась), но старых социальных мифов, составляющих воспроизводить те или иные модели поведения.

Наконец, в пятом пункте автор подводит общий итог анализу типологий

социальных изменений и предлагает выделения ряда типов последних по нескольким основаниям: отношение к системной иерархии; отношение к системному качеству конкретной системы; степень управляемости; уровень сложности. Автор связывает предлагаемую типологию с рассмотренной в работе системно-иерархическим подходом к анализу социальной материи, однако подчеркивает: применение той или иной типологии должно тесно увязываться с решением конкретных исследовательских задач.

В заключении подводятся основные итоги проведенного исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения рассмотренной в настоящей работе проблем.

Основное содержание диссертации изложено в следующих работах:

1. Маслаков А.С. Две революции // Современные гуманитарные исследования. Сборник научных статей. - М.: Изд-во научно-образовательной литературы РЭА, 2001. С.32-58. - 1 п.л. Статья.

2. Маслаков А.С. К проблеме определения понятия «социальная революция» // Актуальные проблемы **социогуманитарного** знания. Сборник научных трудов кафедры философии. Выпуск XVII. - М.: Прометей, 2003. С. 93-96. - 0,3 п.л. Статья.

3. Маслаков А.С. Социальная трансформация - к определению сущности явления // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов кафедры философии. Выпуск XIX. - М.: Прометей, 2003. С. 110-113. - 0,3 п.л. Статья.

4. Маслаков А.С. К вопросу о методологии исследования социальных изменений // 52 научно-техническая конференция **МИРЭА**. Сборник трудов. Ч. 4. Гуманитарные науки. Учебно-методические проблемы. - М.: МИРЭА, 2003, С. 42-46. - 0,2 п.л. Статья.

